

УДК 008

Легенда о Регуле в контексте римской культуры

Белоусов Максим Геннадьевич

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Московский международный университет,
125040, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 17;
e-mail: info@mmu.ru

Аннотация

Статья посвящена истории появления и бытования в римской культуре легенды о Марке Атилии Регуле – консуле 256 г. до н.э., попавшем в карфагенский плен в ходе Первой пунической войны. Образ Регула в легенде предстает как образец римского патриотизма и воплощения старинных гражданских доблестей. Проведенный анализ выявляет позднее происхождение этого сюжета и лишь относительную связь с реальными событиями. Трагическая судьба Регула в плену не находит надежного подтверждения в источниках. Сделан вывод о литературном характере легенды, которая, тем не менее, привлекла внимание таких выдающихся деятелей римской культуры, как Цицерон и Гораций, не сомневавшихся в её подлинности. Легенда о Регуле имеет весьма позднее происхождение применительно ко времени событий, о которых она повествует. Надежную историческую основу в ней выявить не удастся – несомненно лишь то, что Регул умер в карфагенском плену до окончания Первой пунической войны, по-видимому, между 251 и 241 гг. до н.э., но смерть его совершенно необязательно была насильственной. Следовательно, легенда является литературным конструктом, предназначенным в первую очередь для воспитания молодого поколения более поздней эпохи, уже после сокрушения Карфагена и в период расцвета римской державы. Если отнести её возникновение ко времени перед Третьей пунической войной, следует заключить, что она должна была использоваться и в военной пропаганде на заключительном, победоносном этапе римско-карфагенского противостояния. Несмотря на неожиданно сильное сопротивление противника, исход последней войны с самого начала не вызывал сомнений, в то же время недовольство солдат затянувшейся кампанией требовало применения средств для поднятия боевого духа. В этих условиях напоминание о прежней жестокости врагов, изображение их как бессердечных варваров было бы вполне уместным. Созданный легендой образ негиблого военачальника, воплощения староримских доблестей, верного даже данной врагам клятве и бесстрашно приносящего себя в жертву ради блага отечества, явился несомненной удачей.

Для цитирования в научных исследованиях

Белоусов М.Г. Легенда о Регуле в контексте римской культуры // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 7А. С. 124-132.

Ключевые слова

Вторая пуническая война, римское вторжение в Африку 256 г. до н.э., битва при Тунете, Полибий, Цицерон, Гораций, Марк Аtilий Регул, патриотизм.

Введение

Консулу 267 и 256 г. до н.э. Марку Атилию Регулу суждено было стать одним из трагических героев римской национальной мифологии. Высадившись в 256 году до н.э. в Африке и первоначально одержав победу над пунийцами, он вынудил Карфаген начать мирные переговоры, но его крайне неумеренные требования привели к их срыву [Моммзен, 1997, с. 505]. В следующем году Регул был разбит вновь собранной карфагенской армией под командованием спартанца Ксантиппа, взят в плен и около 250 г. до н.э. умер при невыясненных до конца обстоятельствах. Согласно римской патриотической традиции, он был отправлен послом в Рим с предложением «умеренных, насколько это возможно» мирных условий [Аппиан, 1998, с. 40], при этом с него взяли клятву вернуться в случае провала миссии [Цицерон, 1974 с. 150]. В Риме Регул самоотверженно убедил Сенат продолжать победоносную войну, вернулся в плен, отвергнув возможность остаться, и был казнен изощренным способом. Вместе с тем в античной историографии существовала заметная антирегуловская традиция, изображавшая военачальника человеком безрассудным и самолюбивым, упустившим случай закончить кровопролитную войну выгодным образом. Уже в XIX веке признанные авторитеты отрицали жестокую казнь Регула в Карфагене и подвергали сомнению сам факт его насильственной смерти. В то же время в Риме, по крайней мере с I века до нашей эры, а возможно, и ранее, ни то, ни другое сомнений не вызывало. Несчастья Регула послужили источником философских рассуждений для Цицерона, а Гораций в «Одах» (III, 5) создал почти богоподобный образ безупречного римского патриота. Ниже будут рассмотрены основные составляющие легенды и определена ее роль в контексте римского патриотического мифа.

Историческая основа

Самым первым о печальной участи Регула сообщает Полибий (I, 34). Его рассказ завершается описанием битвы при Тунете, в результате которой Регул был разгромлен и пленен [Полибий, 2004, с. 167]. У Полибия этот эпизод служит поводом для рассуждений о превратностях судьбы - Регул упустил случай заключить выгодный мир, когда его враг был ослаблен, и этим побудил карфагенян к яростному сопротивлению, надолго затянувшему войну [Тейтельбаум, 2017, с. 331-332]. Один пассаж Полибия как будто свидетельствует о не самом достойном поведении Регула после битвы: «тот самый Марк, который незадолго перед тем не оказал побежденному ни пощады, ни снисхождения, теперь сам приведен был к неприятелю и вынужден молить его о собственном спасении» [Полибий, 2004, с. 169]. Но никаких сведений о последующей судьбе Регула Полибий не приводит.

У Ливия в периптохе несохранившейся XI книги содержится упоминание о бедности Регула – во время африканского похода, ещё до поражения под Тунетом, он просит Сенат об отставке ввиду плачевного состояния своих домашних дел [Ливий, 1994, с. 562]. Однако это сообщение противоречит той надменности, с какой Регул отнесся к предложению заключить мир в 256 г. до н.э., и его опасениям, что слава победителя достанется новому консулу [Полибий, 2004, с.167]. Регул явно не торопился домой.

Все последующие, довольно многочисленные, упоминания об участии Регула в карфагенском посольстве и его страшной смерти содержатся в гораздо более поздних источниках. В общем они сводятся к тому, что во время посольства Регул выступает в Сенате, призывая ни в коем случае не идти на согласие с карфагенянами, поскольку военное счастье уже

склонилось на сторону римлян. Он отвергает предложение обменять себя на пленных карфагенских военачальников, ссылаясь на свою старость и фактическую потерю в плену римского гражданства. Пренебрегая даже мольбами семьи, он возвращается в Карфаген, где его подвергают мучительной казни. При этом историки приводят четыре взаимоисключающие версии его гибели: распят [Анней Флор, 1996, с. 120], посажен в клетку с железными острями и замучен голодом и лишением сна [Аврелий Виктор, 1997, с. 200; Цицерон, 2000, с. 103; Аппиан, 1998, с. 40], после жестоких пыток раздавлен разъяренным слоном [Диодор, www], отравлен медленно действующим ядом ещё до начала посольства, о чем самому Регулу было известно [Авл Геллий, 2007, с. 343]. Следует подчеркнуть, что Диодор Сицилийский, автор версии о слоне, в целом критически относится к Регулу, называя его человеком глупым и высокомерным, который своим безрассудным отношением к просившему о милости врагу навлек на себя справедливый гнев богов [Диодор, www]. В целом это место у Диодора довольно близко к рассуждениям Полибия. Также именно Диодор единственный приводит версию гибели Регула от слона, которая, скорее всего, является фантазией на тему реальных событий – при Тунете армия Регула была разгромлена во многом благодаря боевым слонам карфагенян, прорвавшим центр римского строя.

Критика

Уже Нибур в своей «Римской истории» подверг резкой критике как версию об участии Регула в карфагенском посольстве, так и сообщения о его казни. [Niebur, 1874, s. 525]. По мнению Нибура, Регул не был и хорошим полководцем, находясь в этом плане позади многих своих современников, а являлся просто баловнем судьбы («ein blosses Glückskind»), которому на краткий срок улыбнулась удача. Отказ Регула остаться в Риме под предлогом нанесенного ему пленом бесчестья также не выдерживает критики – Гнею Сципиону Азине во время той же войны плен не помешал вторично получить консульство. Условия мира, которые якобы должен был предложить Регул на переговорах после битвы при Панорме в виде его обмена на командиров противника, выглядят нелепыми – один бывший консул не мог быть равен ряду крупных карфагенских офицеров, захваченных римлянами, кроме этого, «заключение мира в тот момент вообще не было выгодно Сенату, поскольку ещё до начала войны он провозгласил её конечной целью захват всей Сицилии, а в руках карфагенян тогда оставался Лилибей, и отдавать его они не собирались» [ibid., s. 526. Перевод автора]. Дальнейшие сообщения о жестокой казни Регула Нибур объявляет слухами, которые распускались семейством Атилиев, истязавших двух находившихся у них карфагенских пленников, в попытке обелить себя.

В свою очередь, Моммзен утверждает, что сам факт участия Регула в посольстве, которое к тому же не может быть точно датировано – то ли 251, то ли даже 241 до н.э., выглядит сомнительным, равно как и его дальнейшая трагическая участь: «позднейшая эпоха, искавшая в счастье и в несчастье предков только сюжетов для школьного преподавания, сделала из Регула прототип несчастного героя...и пустила в ход множество связанных с ним выдуманных анекдотов; эти анекдоты – ни что иное, как противная мишура, представляющая резкий контраст с серьезной и ничем не прикрашенной историей» [Моммзен, 1997, с. 507]. Современный исследователь М.Б. Елисеев занимает более сдержанную позицию – отрицая факт участия Регула в карфагенском посольстве 251 г. до н.э., он допускает возможность самого факта посольства и последующей казни Регула в отместку за провал этой миссии [Елисеев, 2019, с. 180]. Но нельзя не заметить, что такое рассуждение слишком хорошо вписывается в

традиционный римский миф о чрезвычайном коварстве и жестокости карфагенян и потому выглядит уязвимым.

Итак, по мнению классиков антиковедения, Марк Атилий Регул – в целом малопримечательная личность. Его трагическая гибель не находит убедительных подтверждений в источниках. Тем не менее, легенда о нем занимала важное место в римской ментальности. При этом возникновение легенды явно относится к более поздней эпохе, чем Пунические войны. Она не могла возникнуть в период первого интербеллума, хотя слухи о казни Регула, распускавшиеся семейством Атилиев, видимо, ходили и тогда, но оставались не более чем слухами. Ливий приводит (XXII, 60) речь Тита Манлия Торквата после поражения при Каннах, когда Ганнибал обратился к Сенату с предложением выкупить многочисленных римских пленных, против чего Торкват решительно возразил. В этой речи героическое поведение Регула в плену не упомянуто, хотя контекст является весьма подходящим. Далее, легенда определенно очерняет карфагенян, между тем как эта тенденция долгое время не была свойственна римскому сознанию. Ещё в период второго интербеллума римляне воспринимали карфагенян как храбрых и достойных противников, не приписывая им чрезмерной жестокости, карфагенские купцы также имели славу надежных партнеров [Циркин, 1986, с. 77]. Впервые образ коварного и жестокого карфагенянина появляется только у Квинта Энния, который завершил свои «Анналы» в 178-175 гг. до н. э [Никишин, 2017, с. 205]. В целом такое положение отвечает одному из основных принципов военной пропаганды – врага выгодно изображать жестоким и подлым, но этот принцип по-разному работает в различных войнах. В период тяжелого конфликта на первое место выступает развеивание мифа о непобедимости противника, для чего его лучше изобразить смешным и нелепым. Тогда как после успешного завершения боевых действий уже неопасный враг всячески демонизируется, чтобы у победителей и их потомков возникла законная гордость за свое торжество над ним – победа над противником жестоким и кровожадным вдвойне ценнее, потому что такой враг угрожает существованию самого народа и государства победителя. По-видимому, время возникновения легенды следует отнести к промежутку между 175 и 150 гг. до н.э., а распространение она получила уже в период Третьей пунической войны.

Канон

В I веке до н.э. легенда выглядит уже полностью сформированной. Наиболее полное ее изложение мы находим у Цицерона и Горация. Несомненно, она была подробно изложена и Ливием, если судить по сохранившейся перифразе XI книги «Истории от основания города». Даже судя по сохранившемуся чрезвычайно скудному фрагменту, Ливий знал легенду в её классической форме. Видимо, существовала подробная запись легенды, которой воспользовались Ливий и, ещё ранее, Цицерон.

Цицерон посвящает Регулу довольно крупный пассаж в своем трактате «Об обязанностях» (XXVI -XXXII). Он находит в поведении Регула два нравственно-прекрасных и удивительных поступка – верность обещанию, которое побудило его вернуться в Карфаген, и верность Риму, когда он настоял на отказе от обмена пленными: «ведь он не свое решение отстаивал, но взял на себя это поручение ради того, чтобы сенат принял решение; не возьми он сам на себя ответственности перед сенатом, пленники, конечно, были бы возвращены пунийцам. Благодаря этому Регул остался бы в своем отечестве невредимым. Но так как он не считал это полезным отечеству, он и признал нравственно-прекрасным для себя внести упомянутое предложение и

претерпеть все» [Цицерон, 1978, с. 153]. Аппиан добавляет к этому ещё один важный штрих – Регул является в Сенат одетый по-финикийски, т.е. без тоги, обязательной для римлянина во всех официальных случаях, тем самым демонстрируя, что в плену он утратил достоинство римского гражданина, поскольку принес клятву врагам [Аппиан, 1998, с. 40]. По-видимому, данная деталь не является позднейшим домыслом и была известна уже Цицерону: «пока он связан клятвой, данной им врагу, он, по его словам, не сенатор» (Цицерон, 1978, с. 150).

Гораций делает Регула лирическим героем в своих «Одах» [Гораций, 1993, с. 113-114]. Как и Цицерон, он сосредотачивает внимание на появлении Регула в Сенате, причем вкладывает в его уста целую речь, построенную на следующем положении: выкуп пленников будет служить свидетельством порчи нравов римлян (по мнению Горация, она уже наступила в настоящее время, поэтому Регул играет роль пророка), поскольку враги забыли страх перед римским оружием, а освобожденные из плена не могут сражаться с прежней доблестью:

И раз отпавши, истая доблесть вновь
Идти не хочет к тем, кто отверг ее.
Как лань, изъятая из сети,
Бросится в бой, так храбрей тот станет,
Кто, вероломный, вверил себя врагам,
Сотрет пунийцев в новой войне, кто мог
На скрученных руках покорно
Узы терпеть, убоившись смерти. (ст. 29-36).

Заметим, что это выступление Регула имеет несомненное сходство с упоминавшейся выше речью Тита Манлия Торквата, приведенной Ливием (XXII, 60). Торкват в похожих выражениях осуждает делегатов из числа римских пленных при Каннах, явившихся просить о выкупе: «себя сберечь у вас не хватило храбрости, - что вы будете делать, если придется умирать за отечество? Вокруг вас лежали пятьдесят тысяч граждан и союзников, погибших в тот самый день. Если столько примеров доблести не взволновали вас, - вас ничто не взволнует. Если даже вид такого побоища не побудил вас не щадить вашей жизни, - вас ничто не побудит» [Ливий, 1991, с. 105]. Очевидно, что для апулийца Горация, уроженца Венузия, одного из двух городов, куда спаслись уцелевшие после разгрома, тема Канн, лежавших в непосредственной близости от его отчего дома, была болезненной, и сама ода, скорее всего, написана под впечатлением от общего с Ливием источника.

В финале оды Регул, возвращаясь в Карфаген, демонстрирует беспримерное мужество и практически предстает полубогом, вознесшимся не только над страхом, но и всеми человеческими привязанностями:

Жены стыдливой он поцелуй отверг
И малых деток, ибо лишился прав;
И мужественно взор суровый
В землю вперил, укрепить желая,
Душой нетвердых, членов сената: сам
Им дал совет, не данный дотоль нигде.
Затем - изгнанник беспримерный -
Быстро прошел меж друзей печальных.

А что готовил варвар-палач ему,
Он знал, конечно. (ст. 41-50).

Наделяя Регула провидческими способностями – он предчувствует не только собственную скорую судьбу, но и падение римских нравов в отдаленном будущем, Гораций создает идеальный образ римлянина-патриота «доброе старое времени». Образ Регула, совершившего ранее небывалое, полностью вписывается в контекст творчества сурового римского моралиста, убежденного в том, что время великих доблестей для его родины давно миновало. Не случайно следующая по порядку третьей книги сборника шестая ода тематически перекликается с пятой и начинается призывом Горация восстановить древнее благочестие и простоту нравов, без чего невозможно возрождение былой славы.

Можно констатировать, что в легенде Марк Атилий Регул наделяется следующими чертами образцового римлянина:

1. **Умеренность.** По свидетельству уже позднейшего источника [Валерий Максим, 2007, с. 176], он был человеком небогатым, не имевшим средств для найма толкового виллика, поэтому в период пребывания Регула в африканском походе его имение пришло в упадок, в связи с чем он был вынужден просить Сенат об отставке. В I в. до н.э., когда тема благородной простоты жизни предков стала общим местом в римской литературе, эта деталь должна была особенно импонировать аудитории.

2. **Доблесть.** Регул честно служил родине на военном поприще, не будучи лишен определенных способностей полководца – за успехи в Апулии во время своего первого консульства 267 г. до н.э. он даже получил триумф. Достоинно проявил себя Регул и в качестве командующего на первом этапе африканского похода [Родионов, 2005, с. 104-105]

3. **Верность.** Регул одновременно демонстрирует верность Риму, настаивая на отказе от заключения мира, и верность клятве, по которой он обязался вернуться в плен, хотя эта клятва дана врагу и по принуждению [Цицерон, 1978, с. 153].

4. **Мужество.** Предвидя, а у Горация – даже точно зная, предстоящую мучительную гибель, он добровольно идет ей навстречу, пренебрегая мольбами друзей и семьи. Интересно, что с целью усиления эффекта Гораций делает Регула мужем молодой женщины и отцом несовершеннолетних детей, хотя это вызывает сомнения – согласно римским законам, Регул должен был быть не моложе 42 лет в 267 до н.э., год своего первого консульства, следовательно в 251 г. ему было уже почти 60, что подчеркивает и Цицерон, говоря о нем как о старике [Цицерон, 1978, с. 151]. Поскольку упоминание о малолетних детях контекстуально связано с поведением Регула, считавшего, что плен уничтожил его достоинство римского гражданина, оно не выглядит общим местом.

В свою очередь, карфагеняне в легенде демонстрируют такие отрицательные качества, как **коварство** – они отправляют Регула в составе посольства в Рим. Само по себе использование пленников в качестве парламентеров как минимум для предложения обмена не было необычным – Ганнибал воспользовался этим приемом после Канн [Ливий, 1991, с. 103]. Но карфагеняне делают это лишь спустя значительное время после пленения, когда их собственное положение пошатнулось. Более того, согласно Авлу Геллию, карфагеняне перед этим отравили Регула медленным ядом, чтобы он даже в случае успеха миссии не смог остаться в Риме. Версия достаточно странная, с учетом того, что сам Регул знает о яде. Однако контекст Геллия исключает возможность, что Регул сообщил Сенату о том, что его дни сочтены, просто в качестве риторического приема, чтобы побудить отказаться от обмена. Наконец, карфагеняне

демонстрируют типично варварскую жестокость – они нисколько не впечатлены мужественным поведением Регула, и вместо того, чтобы освободить его в знак восхищения, как сделали бы сами римляне, предадут мучительной смерти.

Заключение

Итак, легенда о Регуле имеет весьма позднее происхождение применительно ко времени событий, о которых она повествует. Надежную историческую основу в ней выявить не удастся – несомненно лишь то, что Регул умер в карфагенском плену до окончания Первой пунической войны, по-видимому, между 251 и 241 гг. до н.э., но смерть его совершенно необязательно была насильственной. Следовательно, легенда является литературным конструктом, предназначенным в первую очередь для воспитания молодого поколения более поздней эпохи, уже после сокрушения Карфагена и в период расцвета римской державы. Если отнести её возникновение ко времени перед Третьей пунической войной, следует заключить, что она должна была использоваться и в военной пропаганде на заключительном, победоносном этапе римско-карфагенского противостояния. Несмотря на неожиданно сильное сопротивление противника, исход последней войны с самого начала не вызывал сомнений, в то же время недовольство солдат затянувшейся кампанией требовало применения средств для поднятия боевого духа. В этих условиях напоминание о прежней жестокости врагов, изображение их как бессердечных варваров было бы вполне уместным. Созданный легендой образ нестигаемого военачальника, воплощения староримских доблестей, верного даже данной врагам клятве и бесстрашно приносящего себя в жертву ради блага отечества, явился несомненной удачей. Обращение к легенде таких крупнейших представителей римской культуры, как Цицерон и Гораций, причем спустя не менее века после её предполагаемого формирования, свидетельствует о популярности и успехе, который она имела в римском обществе.

Библиография

1. Авл Геллий. Аттические ночи. Книги 1-10. - СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2007. - 480 с.
2. Аппиан Александрийский. Римская история. - М.: Наука, 1998. - 726 с.
3. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. - 308 с.
4. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Фрагменты, 264-251 гг. до н. э.: Первая пуническая война - URL: [https:// http://simposium.ru/ru/node/863](https://simposium.ru/ru/node/863) (дата обращения: 23.08.2024).
5. Елисеев М.Б. Первая пуническая война. – М.: Вече, 2019. – 368 с.
6. Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. - СПб.: Биографический институт, 1993. - 448 с.
7. Луций Анней Флор. Эпитомы // Малые римские историки. - М.: Ладомир, 1996. - С. 99-190.
8. Моммзен Т. История Рима. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - Т. 1. - 642 с.
9. Никишин В.О. Metus Punicus: фактор страха в противостоянии Рима и Карфагена // Пунические войны. История великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном. - СПб.: Гуманитарная академия, Ювента, 2017. С. 199-219.
10. Полибий. Всеобщая история. - М.: АСТ, 2004. - Т. 1. - 765 с.
11. Родионов Е. Пунические войны. - СПб.: СПбГУ, 2005. - 626 с.
12. Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях // Римские историки IV века. - М.: Росспэн, 1997. – 414 с.
13. Тейтельбаум Е.Г. Размышления Полибия о Регуле: к вопросу о восприятии историком некоторых сторон римского империализма. // Пунические войны. История великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном. - СПб.: Гуманитарная академия, Ювента, 2017. С. 330-342.
14. Тит Ливий. История Рима от основания города. - М.: Наука, 1991. - Т. 2. - 529 с.
15. Тит Ливий. Периохи // История Рима от основания города. - М.: Наука, 1994. - Т. 3. - 768 с.
16. Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. - М.: Наука, 1986. - 287 с.
17. Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. - М.: Издательство РГГУ, 2000. - 474 с.

18. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. - М.: Наука, 1974. - 248 с.

19. Niebuhr B. G. Römische Geschichte. - Berlin, Verlag von S. Calvary & Co., - 1874. – Bd. 3, 704 s.

Legend of Regulus in the context of Roman culture

Maksim G. Belousov

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Moscow International University,
125040, 17, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@mmu.ru

Abstract

The article is devoted to the history of the appearance and existence in Roman culture of the legend of Marcus Atilius Regulus - consul 256 BC, who fell into Carthaginian captivity during the First Punic War. The image of Regulus in the legend appears as an example of Roman patriotism and the embodiment of ancient civil valor. The analysis reveals the late origin of this plot and only a relative connection with real events. The tragic fate of Regulus in captivity does not find reliable confirmation in the sources. A conclusion was made about the literary nature of the legend, which, nevertheless, attracted the attention of such prominent figures of Roman culture as Cicero and Horace, who did not doubt its authenticity.

For citation

Belousov M.G. (2024) Legenda o Regule v kontekste rimskoi kul'tury [Legend of Regulus in the context of Roman culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (7A), pp. 124-132.

Keywords

Second Punic War, Roman invasion of Africa 256 BC, Battle of Tunete, Polybius, Cicero, Horace, Marcus Atilius Regulus, patriotism.

References

1. Aulus Gellius. Attic Nights. Books 1-10. - St. Petersburg: Publishing Center "Humanitarian Academy", 2007. - 480 p.
2. Appian of Alexandria. Roman History. - Moscow: Nauka, 1998. - 726 p.
3. Valery Maxim. Memorable Deeds and Sayings. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2007. - 308 p.
4. Diodorus Siculus. Historical Library. Fragments, 264-251 BC: The First Punic War - URL: <https://http://simposium.ru/ru/node/863> (date of access: 08/23/2024).
5. Eliseev M.B. The First Punic War. - Moscow: Veche, 2019. - 368 p.
6. Quintus Horatius Flaccus. Collected Works. - St. Petersburg: Biographical Institute, 1993. - 448 p.
7. Lucius Annaeus Florus. Epitomes // Minor Roman Historians. - Moscow: Ladomir, 1996. - Pp. 99-190.
8. Mommsen T. History of Rome. - Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. - T. 1. - 642 p.
9. Nikishin V.O. Metus Punicus: the fear factor in the confrontation between Rome and Carthage // Punic Wars. History of the great confrontation. Military, diplomatic, ideological aspects of the struggle between Rome and Carthage. - St. Petersburg: Humanitarian Academy, Juventus, 2017. Pp. 199-219.
10. Polybius. General History. - M.: AST, 2004. - Vol. 1. - 765 p.

11. Rodionov E. Punic Wars. - SPb.: SPbGU, 2005. - 626 p.
12. Sextus Aurelius Victor. About Famous People // Roman Historians of the 4th Century. - M.: Rosspen, 1997. – 414 p.
13. Teitelbaum E.G. Reflections of Polybius on Regulus: on the Question of the Historian's Perception of Some Aspects of Roman Imperialism // Punic Wars. History of the Great Confrontation. Military, Diplomatic, Ideological Aspects of the Struggle between Rome and Carthage. - SPb.: Humanitarian Academy, Juventus, 2017. P. 330-342.
14. Titus Livius. History of Rome from the Foundation of the City. - M.: Nauka, 1991. - Vol. 2. - 529 p.
15. Titus Livius. Periochi // History of Rome from the foundation of the city. - M.: Nauka, 1994. - Vol. 3. - 768 p.
16. Tsirkin Yu.B. Carthage and its culture. - M.: Nauka, 1986. - 287 p.
17. Cicero. On the limits of good and evil. Paradoxes of the Stoics. - M.: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2000. - 474 p.
18. Cicero. On old age. On friendship. On duties. - M.: Nauka, 1974. - 248 p.
19. Niebuhr B. G. Römische Geschichte. - Berlin, Verlag von S. Calvary & Co., - 1874. – Vol. 3, 704 p.